

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ. Ег. Ковалевскаго. Спб. 1868.

Прошло болѣе одиннадцати лѣтъ съ окончанія кровавой драмы, извѣстной подъ названіемъ восточной войны, а между тѣмъ далеко еще нельзя сказать, чтобы всѣ событія этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ войны были разъяснены вполне. Литература ея если и не бѣдна, то лишь относительно описанія нѣкоторыхъ, хотя и очень крупныхъ, но тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ частей кампаніи. Такъ достопамятная осада Севастополя стоитъ на первомъ планѣ у всѣхъ писателей, занимавшихся восточной войною; о ней имѣются капитальныя сочиненія: спеціальныя артилерійскія и инженерныя описанія осады на языкахъ французскомъ и англійскомъ, описаніе обороны Севастополя составленное подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена (неоконченное), не считая многихъ менѣе замѣчательныхъ сочиненій и статей. Точно также и дѣйствія въ Закавказскомъ краѣ описаны и изслѣдованы многими писателями, преимущественно англійскими и русскими. Но затѣмъ многіе эпизоды войны до сихъ поръ еще остаются не разработанными и на нихъ мало обращено вниманія даже

въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя носятъ громкія названія исторіи восточной войны. Такими сочиненіями особенно богата французская литература, и всѣ они сосредоточиваютъ свое главное вниманіе на Севастополь, какъ на важнѣйшемъ событіи, отводя описанію всѣхъ прочихъ самое лишь незначительное мѣсто на своихъ страницахъ. Въ особенности бѣдна полными сочиненіями о восточной войнѣ наша литература; вѣрнѣе сказать, она даже вовсе не имѣетъ ни одного полнаго сочиненія войны, и представила только нѣкоторые матеріалы для будущихъ историковъ. Но и здѣсь опять обнаруживается, что по нѣкоторымъ эпизодамъ войны почти ничего нѣтъ заслуживающаго вниманія.

Къ числу такихъ эпизодовъ восточной войны, наименѣе изслѣдованныхъ и описанныхъ, безспорно относится самое начало войны, именно періодъ занятія нашими войсками Дунайскихъ княжествъ. А между тѣмъ, нельзя не сознаться, что періодъ этотъ, хотя и не ознаменовался никакими особенно блистательными результатами, хотя и представляетъ даже нѣкоторые ошибки, тѣмъ не менѣе не лишенъ интереса и поучительности.

Изученіе его тѣмъ болѣе важно, что въ западной Европѣ, а отчасти и у насъ, установились на счетъ военныхъ дѣйствій этого періода весьма невѣрныя и, скажемъ болѣе, не всегда лестныя для чести нашего оружія, понятія. Въ то время какъ происходили дѣйствія на Дунаѣ, противъ насъ ополчалась западная Европа; она была раздражена несправедливо противъ насъ, и потому хвастливымъ заявленіямъ турецкаго главнокомандующаго и его преувеличеннымъ реляціямъ вѣрила несравненно болѣе, чѣмъ нашимъ, нерѣдко до излишества скромнымъ донесеніямъ. Это не могло не отозваться и на нашемъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ ожидали отъ вступленія нашихъ войскъ въ княжества необыкновенныхъ результатовъ; всѣ надѣялись, что наши войска немедленно, въ одну кампанію, перешагнутъ Дунай и Балканы, займутъ Константинополь, освободятъ христіанъ Турціи. Конечно, при такихъ надеждахъ некогда было замѣтить, что въ княжествахъ имѣлось слишкомъ мало войскъ для выполненія столь обширнаго плана и что всѣ дѣйствія нашихъ войскъ зависѣли главнѣйше не отъ степени предприимчивости полководца и стратегическихъ соображеній, а отъ дипломатическихъ

переговоровъ, которые велись одновременно съ военными дѣйствіями на Дунаѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, при такихъ ожиданіяхъ отъ дунайской кампаніи, и западная Европа, и наше общество были поражены, когда, вмѣсто блистательнаго ряда побѣдъ нашихъ войскъ надъ турками, имъ представлялись отдѣльные эпизоды въ родѣ отбитой атаки ольтеницкаго карантина, безрезультатныхъ рекогносцировокъ Калафата, неудачнаго дѣйствія полковника Карамзина подъ Карагуломъ, снятія осады Силистріи, отступленія съ праваго берега Дуная, очищенія княжествъ.... За этими эпизодами терялись счастливые и блистательные подвиги: быстрое занятіе княжествъ, прекрасная, можно сказать, образцовая распорядительность для зимовки и довольствія войскъ въ такой странѣ, какъ Валахія, четатское дѣло, превосходно соображенная и отлично выполненная переправа черезъ Дунай, занятіе Вабадагской области, уничтоженіе перевозочныхъ средствъ турокъ на Дунаѣ и много другихъ дѣйствій, которыми по справедливости можетъ гордиться наше отечество. Незамѣтность всѣхъ этихъ блистательныхъ дѣйствій и полная рельефность тѣхъ, которыя какъ бы затемняли нашу военную исторію, поражали именно потому, что не было общей картины всего періода занятія нашими войсками княжествъ.

Этотъ-то недостатокъ и пополняетъ до нѣкоторой степени сочиненіе г. Ковалевскаго: „Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и въ 1854 годахъ“. Она обнимаетъ именно тотъ вступительный актъ, или прологъ къ восточной войнѣ, который заключаетъ въ себѣ дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе войнѣ и періодъ занятія нашими войсками Дунайскихъ княжествъ.

Книга г. Ковалевскаго написана имъ уже давно, еще въ время самой войны, по матеріаламъ доставленнымъ по распоряженію покойнаго князя Михаила Дмитриевича Горчакова и по живымъ впечатлѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ отъ самихъ очевидцевъ военныхъ дѣйствій; тогда же многое изъ написаннаго было прочитано авторомъ князю Горчакову. Обработавъ свою рукопись по возвращеніи въ Петербургъ, авторъ послалъ ее въ концѣ 1856 года въ Варшаву, къ князю Горчакову, который возвратилъ ее дополнивъ своими замѣчаніями и приложеніями.

По стеченію обстоятельствъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить, съ тѣхъ поръ авторъ не видѣлъ своей рукописи; она вернулась къ нему лишь по прошествіи десяти лѣтъ, съ предложеніемъ военно-ученаго комитета главнаго штаба оказать содѣйствіе изданію ея.

„Я перечиталъ ее—говоритъ г. Ковалевскій въ предисловіи—и, признаюсь, колебался издать; но автора легко убѣдить. О дунайской кампаніи ничего не было писано; напечатаннымъ мною въ журналахъ 1856 года статьи изъ предлагаемой теперешней книги и изъ записокъ, веденныхъ во время осады Севастополя, были приняты съ живымъ сочувствіемъ, (такъ говорили мы).“

„Наконецъ, я долженъ былъ издать эту книгу въ воспоминаніе о князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ, который одобрилъ ее, имя котораго такъ дорого для всѣхъ его сослуживцевъ. Матеріаловъ, какъ печатныхъ (иностранныхъ), такъ и архивныхъ накопилось довольно; я принялся за обработку рукописи. Вышла она отъ этого лучше, чѣмъ была прежде, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ той страшной драмы, которая развивалась передъ нами—не знаю. Во всякомъ случаѣ, предлагаю свою книгу не какъ *исторію* той замѣчательной эпохи которую описываю, но какъ матеріалъ для будущаго *историка*.“

Къ этой скромной оцѣнкѣ самимъ авторомъ своего труда можно прибавить, что дѣйствительно сочиненіе его представляетъ только матеріалъ для будущаго историка, хотя не достаетъ точно полный и удовлетворительный развѣ только по отношенію, одной стороны описываемаго имъ періода.

Занятіе нашими войсками княжествъ и послѣдовавшія за тѣмъ военныя дѣйствія на Дунаѣ, какъ мы замѣтили уже, служили прологомъ къ восточной войнѣ. Въ этотъ періодъ времени дипломатія еще не успѣла отойти на второй планъ; передъ дѣйствіемъ оружія, этого окончательнаго рѣшителя всѣхъ международныхъ несогласій и затрудненій; дѣйствія дипломатіи развивались не только тогда, когда уже выступила на сцену военная сила, но даже и во время самаго употребленія силы оружія. Дипломатическія сношенія предшествовали вступленію нашихъ войскъ въ княжества, не прерывались во время занятія нами линіи Дуная, вліяли не только на это занятіе, но и вообще на образъ нашихъ военныхъ дѣйствій, наконецъ выну

дали насъ снять осаду Силистріи и очистить княжества. Такимъ образомъ, дунайская кампанія 1853 — 54 годовъ находится въ тѣсной связи съ дипломатическими переговорами, которымъ часто подчинялись и самыя военныя дѣйствія. „Это — замѣчаетъ г. Ковалевскій — отличительная черта этой кампаніи. Отсюда — частыя колебанія, нерѣшительность удара, передвиженія войскъ, приступы и отбой, напрасныя переходы черезъ Дунай.“

Какъ видно изъ самаго сочиненія, на это-то значеніе дипломатіи въ дунайской кампаніи авторъ и обратилъ главное свое вниманіе; отъ того все относящееся до дипломатическихъ сношеній разработано имъ полнѣе, отчетливѣе и лучше, чѣмъ другіе отдѣлы сочиненія.

Первыя двѣ главы, гдѣ изложены причины войны и переговоры, предшествовавшіе занятію княжествъ нашими войсками, а равно глава пятая, гдѣ объяснена политика западныхъ державъ относительно Россіи и Турціи, безспорно составляютъ лучшую часть труда г. Ковалевскаго. Личность лорда Стратфордъ-Редклифа, бывшаго представителемъ Англіи въ Константинополь, превосходно очерчена; вражда этого государственнаго челоуѣка къ Россіи, успѣвшаго воспользоваться положеніемъ и видами Наполеона III и его личнымъ раздраженіемъ противъ російскаго императора, послужила главною пружиною всѣхъ дипломатическихъ сношеній, сдѣлавшихъ неизбежною войну противъ Россіи. Приѣздъ его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1853 года въ Константинополь далъ направленіе всѣмъ дѣйствіямъ турецкаго правительства и вскорѣ сдѣлалъ невозможнымъ соглашеніе между Турціею и Россіею. Если бы князь Меншиковъ, прибывшій въ Константинополь въ половинѣ февраля, для переговоровъ о Святыхъ Мѣстахъ и о покровительствѣ православной церкви въ Турціи, не выжидалъ прибытія посланниковъ Франціи и Англіи для полученія ихъ содѣйствія, а приступилъ бы къ переговорамъ съ тѣмъ грознымъ и рѣшительнымъ тономъ, съ какимъ не задолго до того веда свои переговоры Австрія, то, по мнѣнію г. Ковалевскаго, Турція, понявшая всю важность своихъ виновныхъ дѣйствій въ отношеніи къ Россіи, вѣроятно, готова была бы загладить ихъ. Но, увѣренный въ законности своихъ требованій, князь Меншиковъ надѣялся достигнуть успѣха путемъ переговоровъ, которые однако, подъ влияніемъ лорда Стратфорда, привели къ явному разрыву.

„Лордъ Стратфордъ — говоритъ г. Ковалевскій — подобно опытному военачальнику, прежде чѣмъ явиться на поле битвы, извѣдалъ тѣ средства, которыми могъ располагать на немъ. Онъ предварительно заѣхалъ въ Парижъ и Вѣну и убѣдился въ направленіи обоихъ дворовъ; оно вполне соответствовало его видамъ; ему оставалось только придать болѣе смѣлости и энергіи дѣйствіямъ австрійской политики. Что же касается до тюльерійскаго двора, то ему удалось проникнуть тѣ сокровенныя идеи императора Наполеона, которыя даже неизвѣстны были его представителю въ Турціи. Стратфордъ-Редклифъ, явившійся въ Константинополь послѣ двухлѣтняго почти отсутствія и вызванный важностію дѣлъ, взялся за нихъ съ свойственною ему энергіею. Его непреклонный характеръ, его желѣзную волю, не терпѣвшую ни противодѣйствія, ни даже противорѣчія, могли переносить только турецкіе министры. Онъ не забывалъ обиды, и горе тому, кто подвергался его мести. Правда, ревнивый къ своей власти, онъ отстаивалъ своихъ клеветовъ отъ постороннихъ нападеній, хотя не всегда успѣвалъ въ томъ, что и было причиною безпрестанной перемѣны министерства въ Турціи. Въ отношеніи къ Россіи, его направленіе было извѣстно. Подобно древнему римлянину, который, убѣдившись въ могуществѣ Карфагена, воскликнулъ: *delenda Carthago!* да падетъ Карфагенъ! и потомъ каждую свою рѣчь въ сенатѣ заключалъ словами: *delenda Carthago!* подобно Катону, Редклифъ твердилъ: да падетъ Россія! и этотъ возгласъ перешелъ въ англійскіе журналы, въ парламентъ. *Delenda Carthago!* воскликнуло, наконецъ, направленное противъ насъ общественное мнѣніе Европы.“

Весьма естественно, что когда подобный человѣкъ сталъ руководить турецкими министрами, то невозможно было уже надѣяться на успѣхъ переговоровъ, для которыхъ былъ присланъ князь Меншиковъ. Переговоры были прерваны, и Россія объявила, что если Порта будетъ упорствовать въ отказѣ ея требованіямъ, то русскія войска займутъ Молдавію и Валахію, въ видѣ залога. На это условное заявленіе западныхъ державъ, нетерпѣливо ожидавшія разрыва между Россіею и Турціею, отвѣтили дѣйствительною мѣрою, направленною какъ бы для спасенія имперіи султана отъ завоевательныхъ замысловъ Россіи: французская и англійская эскадры приблизились къ Дарданелламъ. Въ то же время турецкое правительство въ своихъ но-

тахъ прямо показало, что оно не только не думаетъ объ исполненіи требованій русскаго кабинета, но, пользуясь настоящимъ положеніемъ, желаетъ даже сложить съ себя всѣ прежнія обязательства и отмѣнить порядокъ вещей, освященный договорами и временемъ.

Послѣ этого, конечно, Россія не могла долѣе дѣйствовать миролюбиво, и русскимъ войскамъ отдано было приказаніе занять княжества. Тогда-то изданъ былъ памятный всѣмъ манифестъ, въ которомъ императоръ Николай I объявилъ свои виды народу, въ которомъ откровенно высказано, чего желала Россія.

„Не завоеваній ищемъ мы: въ нихъ Россія не нуждается—говорится въ манифестѣ—мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и, съ полной надеждой на Всемогущую десницу, пойдѣмъ впередъ за вѣру православную.“

Занятіе княжествъ русскими войсками признано было не считать поводомъ къ войнѣ, неизбежность которой между тѣмъ была уже рѣшена морскими державами, дѣятельно усиливавшими свои вооруженія. Наши войска стояли въ княжествахъ, а переговоры все еще продолжались при посредствѣ вѣнскаго кабинета. Результатомъ этихъ переговоровъ была нота, составленная французскимъ кабинетомъ съ незначительными измѣненіями, сдѣланными въ ней австрійскимъ министромъ. Нота, утвержденная четырьмя державами (Франціей, Англіей, Австріей и Пруссіей) была отправлена въ С.-Петербургъ.

„Императоръ Николай I — говоритъ г. Ковалевскій — уважая дѣйствія союзниковъ и столь, повидимому, общее стремленіе къ водворенію въ Европѣ мира, принялъ безусловно и немедленно этотъ дипломатическій актъ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы и Порта приняла его безъ всякихъ измѣненій. Въ такомъ случаѣ Императоръ соглашался на пріѣздъ турецкаго посланника въ С.-Петербургъ. Но въ это время въ Турціи происходило странное явленіе...“

Тамъ неутомимо работалъ лордъ Стратфордъ, чтобы возбудить противъ насъ враждебное настроеніе турокъ. Ему уда-

лось настоять, чтобы для разсмотрѣнія несогласій съ Россією собранъ былъ большой совѣтъ, который находился подъ вліяніемъ зятя султана, Мехмедъ-Али, вполне преданнаго старымъ началамъ Турціи и имѣвшаго сильную поддержку въ улемахъ. Рѣшеніе совѣта, подписанное всѣми значительными людьми Турціи, не было благоприятно сохраненію мира. Турція не согласилась принять безусловно ноту вѣнской конференціи и сдѣлала въ ней такія измѣненія, которыя лишили русскій дворъ всякой возможности принять ее безъ явнаго нарушенія своего достоинства.

„Казалось бы — замѣчаетъ г. Ковалевскій — по долгу справедливости и по общенародному праву, такое неуваженіе Турціи къ дипломатическому акту, подписанному четырьмя великими державами, изъ которыхъ двѣ приняли на себя явно ея защиту, должно было повлечь за собою неминуемый разрывъ съ нею; но морскія державы рѣшились на этотъ разъ пожертвовать чувствомъ собственного достоинства ради избранной ими цѣли, которой не смѣли высказать явно и категорически, сколько изъ опасенія общественнаго мнѣнія, еще не вполне возбужденнаго къ случайностямъ войны, столько и потому, что не были къ ней готовы. Лордъ Абердинъ сознался въ томъ впоследствии; обращаясь къ оппозиціи въ парламентъ, онъ сказалъ: вы обвиняете насъ въ слабости къ русскому двору; напротивъ, вы должны отдать намъ справедливость въ томъ, что мы успѣли внушить довѣріе къ себѣ двусмысленными переговорами и тѣмъ заставить его потерять драгоценное для себя время. Мы не поддались искренности словъ и дѣйствій, но не допустили Россію покончить въ короткое время восточный вопросъ помимо насъ.“

Непринятіе Турціею ноты вѣнской конференціи дѣлало войну неизбежною. Сужденія о войнѣ въ диванѣ продолжались съ 15-го (27-го) по 18-е (30-е) сентября, а вслѣдъ затѣмъ посланы командовавшему турецкими войсками, Омеру-пашѣ, положительныя приказанія—пригласить князя Горчакова очистить княжества и начать военныя дѣйствія по истеченіи пятнадцати дней, если получить отрицательный отвѣтъ, въ чемъ нельзя было сомнѣваться. Дѣйствительно, на хвастливое требованіе Омера-паши, князь Горчаковъ отвѣчалъ категорически, что онъ не уполномоченъ трактовать ни о мирѣ, ни о войнѣ, ни о томъ, чтобы вывести войска изъ княжествъ.

Вскорѣ послѣ того начались военныя дѣйствія, открытыя турками, и послѣдовалъ 21-го октября высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

Выше мы сказали, что сочиненіе г. Ковалевскаго представляетъ удовлетворительный матеріалъ для будущаго историка развѣ только въ одномъ смыслѣ, именно относительно дипломатическихъ переговоровъ въ описываемый имъ періодъ времени. Что же касается до военныхъ событій, то рассматриваемое нами сочиненіе скорѣе можетъ быть названо перечнемъ или краткимъ обзоромъ ихъ, пригоднымъ для ознакомленія съ ними современниковъ, но далеко не подходящимъ къ категоріи матеріаловъ для историка. Достоинство труда г. Ковалевскаго главнѣйше заключается въ томъ, что онъ свелъ въ общую картину всѣ дѣйствія нашихъ войскъ въ княжествахъ, но эта картина набросана столь крупными чертами, такъ много упущено въ ней подробностей, что для будущаго историка она окажется недостаточною и ему по необходимости придется пользоваться другими источниками и матеріалами, болѣе полными и обстоятельными. Лишь весьма немногія мѣста въ трудѣ г. Ковалевскаго могутъ быть признаны достаточно-полными. При дальнѣйшемъ изложеніи содержанія этого сочиненія, мы постараемся указать какъ на эти мѣста, такъ и на тѣ, которыя отличаются наибольшими недомолвками и чрезмѣрною сжатостію изложенія.

Приступая къ описанію какой-либо войны, весьма естественно прежде всего указать на тѣ силы, которыми располагають противники; это и сдѣлано г. Ковалевскимъ, хотя крайне неполно.

Ограничившись перечнемъ частей войскъ, состоявшихъ подъ командою князя Горчакова, и сообщивъ въ приложеніи таблицу ихъ числительности, авторъ ничего не говоритъ объ ихъ организаціи, вооруженіи, качествахъ; незнакому съ этими вопросами читателю нельзя даже узнать, каковъ былъ составъ полковъ, баталіоновъ, батарей. Крайне мало представлено свѣдѣній и о турецкой арміи: здѣсь положительно нельзя знать, какаю часть ея имѣла правильную организацію и какой процентъ составляли тѣ нестройныя толпы, которыя всегда сопровождали турецкія арміи подъ названіемъ баши-бузукъвъ. Вообще нельзя не обратить вниманія на то, какъ мало мы знакомы съ военными средствами и силами Турціи; намъ достовѣрно из-

вѣстно, что въ самомъ штабѣ князя Горчакова не имѣлось по этому предмету достовѣрныхъ свѣдѣній. Обыкновенно, говоря о турецкихъ отрядахъ, подразумевали чуть не толпу во сколько-то тысячъ, подъ командою такого-то паши; были ли эти войска регулярныя или нѣтъ, состояли ли изъ пѣхоты, кавалеріи, имѣли ли они при себѣ орудія, объ этомъ и не старались узнавать. Отчасти это можно объяснить тѣмъ, что, привыкнуши постоянно побѣждать турокъ, мы пренебрегали ими и не считали нужнымъ знакомиться съ ихъ военною организаціею. Но нельзя не замѣтить, что это имѣло не совсѣмъ выгодныя для насъ послѣдствія. Лучшее всего это отразилось на „руководствѣ для боя противъ турокъ“, которое было составлено въ штабѣ князя Горчакова, напечатано въ Бухарестѣ въ военно-походной типографіи войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и разослано въ войска вскорѣ по вступленіи ихъ въ княжество. Объ этомъ руководствѣ г. Ковалевскій ничего не упоминаетъ, а между тѣмъ, это документъ очень важный, которымъ отчасти многое можно объяснить. Въ руководствѣ выказано полнѣйшее пренебреженіе къ туркамъ; вездѣ говорится только о турецкихъ толпахъ, какъ будто бы у турокъ и не было никакого строя; вообще турецкую армію считаютъ за ту же азіятскую орду, какою она была лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробный разборъ этой инструкціи, не можемъ однако не остановиться на тѣхъ ея параграфахъ, которые могутъ послужить къ разъясненію двухъ нашихъ боевыхъ неудачъ въ княжествахъ.

§ 1-й руководства начинается такъ: „Противъ турокъ должно вообще избѣгать боя рассыпнымъ строемъ, даже въ мѣстахъ пересѣченныхъ или покрытыхъ высокимъ кустарникомъ.“ Вообще во всемъ руководствѣ постоянно указывается, чтобы избѣгали рассыпнаго строя, высылая, вмѣсто цѣпи застрѣльщиковъ, сомнутые взводы или роты и чтобы пѣхота для боя и даже для похода строилась въ колоннахъ къ атакѣ. Боевой порядокъ для пѣхоты предписывался руководствомъ чрезвычайно сомнутый.

Что же удивительнаго послѣ этого, если наши войска были поведены даже для атаки укрѣпленій ольтеницкаго карантина въ колоннахъ къ атакѣ, не предшествуемыхъ цѣпью застрѣльщиковъ.... Два баталіона Селенгинскаго полка, составлявшіе

правый флангъ атаки и наступавшіе по мѣстности покрытой кустами, даже не выслали цѣпки. А между тѣмъ колонны наши были встрѣчены съ самаго дальняго разстоянія турецкими штуцерниками, о существованіи которыхъ у насъ и не предполагали.

Замѣчательно, что въ руководствѣ для боя съ турками ни подслова не сказано о томъ, какъ атаковать турецкія укрѣпленія, а вѣдь всакому извѣстно, что турки любятъ окапываться и что лучше всего они защищаютъ именно укрѣпленія.

Далѣе въ руководствѣ высказано особенное пренебреженіе къ турецкой кавалеріи. Полагаемъ небезынтереснымъ привести весь § 23 руководства:

„Прежняя конница турецкая была извѣстна своею смѣлостію. Теперь ее начали учить по-регулярному: прежнюю отвагу она потеряла, а надлещаго устройства не получила. *Наша кавалерія должна смѣло ходить на нее.* Если же непріятель станетъ охватывать эскадроны наши съ фланговъ, то въ такомъ случаѣ крайніе дивизионы второй линіи должны тотчасъ построить фронтъ направо и налево, и ударить на тѣхъ, которые угрожаютъ намъ съ боковъ. Приведу въ примѣръ видѣнный мною случай (*): русскій дивизионъ пошелъ фронтомъ на сильную турецкую кавалерію, имѣя непосредственно за собою другой дивизионъ въ колоннѣ къ атакѣ. Турки бросились на передній дивизионъ съ фронта, слѣва и справа; тогда задній дивизионъ нашъ мгновенно захватилъ пѣшеэскадронно по обѣ стороны и ударилъ на боковыя толпы, а передній на фронтовую. Испугъ и смятеніе турокъ были неизмѣрны; ихъ положили на мѣстѣ болѣе 300 человекъ.“

Прочитавъ этотъ параграфъ, можно ли строго осуждать полковника Карамзина за его несчастное дѣло у Караула съ александрійскими гусарами?

Кажется приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ важенъ пропускъ, сдѣланный г. Ковалевскимъ.

Въ описаніи мѣръ, предшествовавшихъ открытію военныхъ дѣйствій, г. Ковалевскій весьма обстоятельно и достаточно подробно говоритъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ княземъ Горчаковымъ по продовольствію войскъ и по устройству госпитальной части. Этому предмету изъ двадцати главъ, на которыя раздѣлено все сочиненіе, посвящено цѣлыхъ три (IV, XIII и

(*) Здѣсь лично говорить самъ князь Горчаковъ, подписавшій подлинный экземпляръ руководства для боя съ турками.

XVIII); въ нихъ указаны тѣ неудобства, какія встрѣчались въ княжествахъ по продовольственной и санитарной части, равно и мѣры, принятыя для устраненія неудобствъ. Всѣ эти свѣдѣнія весьма интересны и поучительны, представляя новое доказательство той неусыпной заботливости, какую имѣлъ постоянно князь Горчаковъ относительно ввѣренныхъ его начальствованію войскъ. Но и по этому отдѣлу труда г. Ковалевскаго нельзя не замѣтить, что онъ долженъ бы быть издоженъ нѣсколько полнѣе. Ограничиваясь заявленіями, что, несмотря на всѣ неудобства зимовки въ княжествахъ и трудность службы, состояніе здоровья войскъ было весьма хорошо, авторъ вовсе не приводитъ числовыхъ данныхъ о болѣзненности и смертности войскъ въ главнѣйшіе періоды кампаніи, а между тѣмъ такія данныя были бы лучшими, безспорными доказательствами превосходства всѣхъ распоряженій, принятыхъ для сохранения здоровья въ войскахъ.

Самый ходъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ въ 1853—1854 годахъ изложенъ г. Ковалевскимъ весьма послѣдовательно, но крайне смато, какъ видно, преимущественно и даже почти исключительно, по официальнымъ реляціямъ; оттого въ сочиненіи нѣтъ того обилія и полноты данныхъ, которыя дозволяли бы отнестись критически къ описываемымъ событіямъ; оттого въ книгѣ г. Ковалевскаго нельзя найти разъясненія и тѣхъ сомнѣній, которыя существуютъ до сихъ поръ относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ этой кампаніи. Признаться-сказать, судя по заявленію автора, что онъ пользовался не только официальными матеріалами, но и тѣми живыми впечатлѣніями, которыя выносились съ поля битвы участниками военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, мы надѣялись встрѣтить въ его сочиненіи нѣсколько болѣе подробностей объ ольтеницкой битвѣ, о дѣйствіяхъ подъ Калафатомъ и вообще въ Малой Валахія, о дѣйствіяхъ противъ Силистріи и въ особенности о ночномъ дѣлѣ подъ этой крѣпостью съ 16-го на 17-е мая. Къ сожалѣнію, вездѣ наши мы только тонъ и выраженія официальныхъ донесеній, безъ малѣйшаго признака именно тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыя выносятся изъ дѣла непосредственными участниками онаго.

Изъ всѣхъ собственно военныхъ эпизодовъ дунайской кампаніи, полнѣе описанъ г. Ковалевскимъ самый блистательный подвигъ нашего оружія въ эту кампанію, переправа черезъ Дунай. Трудная эта операція дѣйствительно была исполне-

на мастерски; все въ ней было заранѣе предусмотрено и подготовлено, такъ что во многихъ отношеніяхъ операція эта можетъ быть названа образцовой, особенно если принять во вниманіе недостатокъ въ матеріалахъ для постройки мостовъ. Только энергическая дѣятельность, распорядительность и изобрѣтательность начальника инженеровъ, генераль-адъютанта Шильдера, превозмогла всѣ трудности по устройству двухъ мостовъ у Галаца и Браилова, въ самый короткий срокъ, можно сказать въ нѣсколько дней.

При описаніи браиловской переправы, г. Ковалевскій упоминаетъ между прочимъ о греческихъ волонтерахъ; объ нихъ же вскользь упомянуто еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, описанъ даже подвигъ этихъ волонтеровъ, защищавшихъ сулинскій карантинъ подъ начальствомъ капитана Хрисавери; но откуда взялись эти волонтеры, какъ они были организованы, имѣлись ли еще волонтеры другихъ національностей—этого напрасно сталъ бы читатель искать въ разсматриваемой нами книгѣ.

Наиболѣе слабую часть сочиненія г. Ковалевскаго безспорно составляетъ описаніе осады Силистріи, очищеніе нашими войсками княжествъ и послѣднія дѣла съ турками подъ Журжею. Изложеніе этихъ событій, занимая послѣднія пять главъ, прерывается еще вставленными тутъ же описаніями бомбардированія Одессы, первыхъ военныхъ дѣйствій англо-французовъ, экспедиція генерала Эспинаса въ Бабадагскую область. Можно судить, какъ должно быть сжато описаніе этихъ дѣйствій. Въ особенности описаніе осады Силистріи никакъ нельзя признать удовлетворяющимъ требованіямъ военного сочиненія. Всѣ главнѣйшіе факты осады, правда, изложены, но въ слишкомъ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей. Изъ болѣе крупныхъ пропусковъ нельзя не обратить вниманія на неуказаніе мѣста расположенія главныхъ силъ нашей арміи, стоявшей подъ Силистріею, отсутствіе свѣдѣній о числѣ рабочихъ, ежедневно выводимыхъ въ траншеи, о числѣ орудій, имѣвшихся на осадныхъ батареяхъ въ разные періоды осады, наконецъ объ общей численности потерь, понесенныхъ нами во все время осады. Самые планы, приложенные къ описанію осады Силистріи, особенно же планъ осадныхъ работъ (неимѣющій даже масштаба), далеко не удовлетворительны. Этотъ послѣдній планъ намъ кажется даже совершенно излишнимъ, такъ какъ въ текстѣ сочиненія нѣтъ описанія траншей и осадныхъ батарей, да и на

планъ нѣтъ никакихъ объясненій, а только набросана запутанная сеть траншей, къ тому же и невѣрно: напримѣръ, не показана вовсе первая наша паралель съ батареями №№ 1, 2, 3 и 4, заложенная на разстояніи около 700 саж. отъ передовыхъ укрѣпленій крѣпости и потомъ оставленная; не показаны также многія весьма замѣчательныя, въ разныхъ отношеніяхъ, осадныя батареи, каковы: большая передовая на правомъ флангѣ атаки № 18 тамъ же полукруглая № 10 и др. Къ чему же было прилагать планъ?

Изъ всей осады подробнѣе, хотя не вполне точно, разсказано загадочное ночное дѣло съ 16-го на 17-е мая. Вотъ какъ изложено оно г. Ковалевскимъ.

„Турки рѣшились предпринять болѣе значительную вылазку съ 16-го на 17-е мая, въ ночь до того темную, что нельзя было различить предметовъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Часу въ первомъ замелькали тысячи ружейныхъ огоньковъ, раздавалась сильная перестрѣлка на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Тутъ, кромѣ обыкновеннаго траншейнаго караула и его резервовъ, постоянно выдвигался на ночь, влѣво отъ караула, особый эшелонъ; на этотъ разъ онъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ Замосецкаго егерскаго полка, двухъ эскадроновъ Ольвицкаго польскаго уланскаго полка, и 6 пѣшихъ и 4 конныхъ орудій при эшелонѣ находился гвардейской конной артиллеріи полковникъ Костанда. (Замѣтимъ, что эшелонъ состоялъ подъ его начальствомъ). Услышавъ сильный батальонный огонь въ траншеяхъ, онъ немедленно двинулся съ однимъ батальономъ Замосецкаго егерскаго полка на подрѣзание траншейнаго караула, но на пути встрѣтилъ генерала Сельвана, который объявилъ ему, что атака нашего лѣваго фланга отбита и непріятель, отступившій на этомъ пунктѣ, сильно атаковалъ правый флангъ. Полагая, что турки обратили туда главныя свои силы и оставили Арабъ-Табіа, находившееся противъ нашего лѣваго фланга, занятымъ слабо, генералъ Сельванъ рѣшился воспользоваться случаемъ, который казался ему весьма благоприятнымъ, овладѣть непріятельскимъ укрѣпленіемъ открытою силою. Онъ послалъ къ генералу Шильдеру спросить его разрѣшенія на эту атаку, но генерала Шильдера не могли отыскать въ темнотѣ. Сельванъ, боясь упустить время, пошелъ на приступъ съ имѣвшимися у него подъ рукою войсками, а именно: съ тремя батальонами Полтавскаго пѣхотнаго полка, тремя бата-

ліонами Алексопольскаго и однихъ баталіономъ Замосцскаго егерскаго полковъ, отправивъ предварительно приказаніе въ лагерь командиру 2-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи генераль-маіору Попову (въ сочиненіи ошибочно въ двухъ мѣстахъ напечатано генераль-маіръ Потаповъ) — немедленно идти къ траншеямъ съ четырьмя баталіонами.

„Войска наши живо спустились въ ровъ укрѣпленія; отсюда съ неимоверными усиліями, безъ лѣстницъ и фашинь, стали взбираться на крутой валъ, поддерживая другъ друга ощупью, въ совершенной темнотѣ и подъ губительнымъ непріятельскимъ огнемъ. Многие успѣли вскочить на валъ и ворваться во внутренность укрѣпленія; въ числѣ первыхъ изъ нихъ находился флигель-адъютантъ полковникъ графъ Орловъ (*). Въ то время, какъ масса войскъ, изнемогая отъ неимоверныхъ препятствій, усиливалась послѣдовать за ними, вдругъ раздался отбой. Солдаты, взлѣзшіе на валъ, не хотѣли отступать, полагая вѣроятно, что это обманъ со стороны турокъ, хорошо знакомыхъ съ нашими сигналами, несмотря на частую перемѣну ихъ; но отбой повторился позади ихъ, и наши войска отошли въ траншею съ генераль-маіоромъ Веселитскимъ, который, не видя нигдѣ главнаго начальника, генерала Сельвана, принялъ надъ ними начальство.

„Между тѣмъ, генераль-маіоръ Поповъ, прибывшій на мѣсто боя, ввелъ также свои войска въ дѣло. Свиты его величества генераль-маіоръ князь Урусовъ повелъ на штурмъ головной баталіонъ (1-й баталіонъ Алексопольскаго егерскаго полка); нѣсколько человекъ этого баталіона смѣло взобрались черезъ амбразуры на валъ укрѣпленія; но турки, ободренные первоначальнымъ успѣхомъ, усиленные своими резервами, защищались храбро, и эта колонна, несмотря на геройскую стойкость, принуждена была, слѣдуя общему движенію нашихъ войскъ, по отбою, отступить, взлѣзая по крутому, почти отвѣсному въ 12 футовъ высоты контръ-эскарпу, атакованная во флангъ вдоль рва и съ бруствера.

„Въ опрометчивости этого дѣла, послѣдовавшаго безъ предварительныхъ соображеній и приготовленій, даже безъ вѣдома главнокомандующаго, конечно, нельзя не винить генераль-лейтенанта Сельвана, какъ главнаго мѣстнаго начальника, ко-

(*) Нынѣ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, посланникъ при Бельгійскомъ дворѣ.

торый не долженъ былъ увлекаться ни собственною геройскою запальчивостію, ни такими же побужденіями другихъ; но онъ искупилъ славную смертьъ свой отважный подвигъ. Нельзя также не замѣтить въ оправданіе его, что отдѣльный начальникъ не можетъ не дозволить себѣ воспользоваться случаемъ который кажется ему благопріятнымъ, и гдѣ малѣйшее упущеніе времени, необходимаго на испрошеніе разрѣшенія, иногда разрушаетъ весь успѣхъ дѣла. Что же касается до того обстоятельства, кто велѣлъ ударить отбой, можетъ быть въ сущности необходимый, мы не рѣшимся обвинять генерала Сельвана убитаго и потому оставившаго неразрѣшеннымъ этотъ вопросъ тѣмъ болѣе, что и окружавшіе его и начальники частей были перебиты или переранены, а совершенная темнота ночи скрывала всѣ движенія частей одна отъ другой. Въ войскѣ были увѣрены, что первоначально отбой сдѣланъ турками, и что наши, сзади, приняли его. Сельвана солдаты поминаютъ добрымъ словомъ, а офицеры отзываются объ немъ съ уваженіемъ. Онъ посѣдѣлъ въ войнахъ и былъ достойный генералъ.

Послѣдняя дань памяти дѣйствительно достойнаго и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ генерала Сельвана отдана г. Ковалевскимъ очевидно для смягченія вышеприведеннаго передъ тѣмъ приговора этому генералу. Вообще и обвиненіе и оправданіе авторомъ генерала Сельвана какъ-то темны, не досказаны: вскользь упоминается объ его уступчивости запальчивости кого-то другихъ; ничего не сказано о ходившихъ въ арміи разсказахъ о собранномъ имъ въ траншеѣ военномъ совѣтѣ и о рѣшеніи этого совѣта. Впрочемъ, быть можетъ не настало еще время къ разъясненію покрытаго ночью темнотою дѣла, не принесшаго никакихъ результатовъ и стоившаго не малыхъ жертвъ.

Кстати, не можемъ не замѣтить нѣкоторыя неточности ввравшіяся въ разсказъ г. Ковалевскаго. Полковникъ Костанд командовалъ не особымъ эшелономъ, а просто дежурнымъ резервомъ, который днемъ стоялъ у с. Алмалуй, а на ночь придвигался къ траншеямъ; затѣмъ изъ описанія г. Ковалевскаго можно полагать, что на приступъ Арабскаго укрѣпленія было двинуто всего восемь баталіоновъ (3 полтавскихъ, 4 александровскихъ и 1 замосцкій). Если бы генералъ Сельванъ двинулъ одновременно столь значительную массу войскъ на одно укрѣпленіе, да еще ночью, то за это его вполне можно было бы

обвинять, потому что подобное скопленіе войскъ только усилило бы беспорядокъ; но достоверно извѣстно, что всѣ эти войска не были на приступѣ; на штурмъ пошли: на лѣвомъ флангѣ — 1-й баталіонъ Замосцаго полка, подъ командою полковника Костацы, правѣ его, три роты 3-го баталіона Полтавскаго полка и 3-й баталіонъ Алексопольскаго, подъ командою графа Орлова, и 1-й баталіонъ Алексопольскаго полка, введенный въ дѣло генераломъ княземъ Урусовымъ.

Полагаемъ, что сказаннаго нами достаточно для охарактеризованія труда г. Ковалевскаго. Повторимъ еще разъ, что все относящееся до дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дунайскую кампанію, а равно и изложеніе военно-хозяйственныхъ распоряженій князя Горчакова, составлено достаточно полно и интересно. Что же касается до описанія военныхъ дѣйствій, то, въ этомъ отношеніи, заслуга г. Ковалевскаго въ томъ, что онъ первый представилъ намъ въ сжатомъ очеркѣ картину этихъ дѣйствій въ общей ихъ связи между собою; явись его сочиненіе тотчасъ послѣ войны, оно имѣло бы громадный успѣхъ; теперь же, послѣ столь долгаго промежутка времени, протекшаго съ окончанія восточной войны, можно быть строже къ ея описаніямъ. Конечно, трудъ г. Ковалевскаго, какъ составленный во время самой кампаніи и изданный лишь теперь по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ, долженъ пользоваться снисхожденіемъ со стороны критики; тѣмъ не менѣе мы позволили себѣ сдѣлать замѣчанія по поводу этого труда и считаемъ долгомъ оговориться относительно ихъ цѣли и значенія.

Со времени окончанія дунайской кампаніи прошло болѣе тринадцати лѣтъ, а она не имѣетъ еще удовлетворительнаго описанія. Это въ особенности поражаетъ въ настоящее время, когда едва успѣетъ окончиться какая-либо война, какъ уже появляются цѣлые томы ея описаній не только частными лицами, но и на основаніи официальныхъ источниковъ. Такъ австро-прусская война имѣетъ цѣлую обширную литературу и началась уже разработка официальныхъ источниковъ правительственными органами воевавшихъ государствъ: военныя министерства Пруссіи, Австріи и Италіи нашли возможнымъ начать изданіе описанія кампаніи, несмотря на то, что оружіе двухъ послѣднихъ державъ не было увѣнчано побѣдными лаврами. При этомъ имѣется въ виду, что даже изу-

ченіе ошибокъ можетъ быть полезно, а главное, что при добросовѣстномъ и подробномъ описаніи даже неудачныхъ дѣйствій, событія выставляются въ надлежащемъ свѣтѣ и устраняется возможность всякихъ недоразумѣній, темныхъ, основанныхъ на молвѣ, подозрѣній, нерѣдко пятнающихъ честь лицъ невинныхъ и заслуженныхъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя не желать, чтобы явился наконецъ достойный и правдивый историкъ и для дунайской кампаніи, въ которой были нѣкоторыя неудачи, но были и свои свѣтлыя стороны. Извѣстно, что критиковать легко, а создавать трудно: незнаніе въ обществѣ всѣхъ подробностей и обстановки дунайской кампаніи возбуждаетъ нерѣдко слишкомъ строгія сужденія объ ней; анекдотическая часть ея, переходя изъ устъ въ уста, возбуждаетъ смѣхъ и заставляетъ забывать тѣ труды и дѣйствія, которыя должны пользоваться уваженіемъ. Между тѣмъ, серьезнаго изученія этой кампаніи нѣтъ. Быть можетъ, скажутъ, что дѣйствія нашихъ войскъ на Дунаѣ въ 1853—1854 годахъ были столь незначительны и мало-поучительны, результаты ихъ столь ничтожны, что не стоитъ и хлопотать о разработкѣ ихъ исторіи. На подобное замѣчаніе отвѣтимъ, что нельзя называть незначительною кампанію, въ которой одно время (въ маѣ 1854 г.) участвовало, по списочному состоянію, болѣе 200,000 человекъ русской арміи. Конечно, передъ такимъ крупнымъ военнымъ событіемъ, какъ оборона Севастополя, теряется значеніе дунайской кампаніи, но не должны быть затеряны для исторіи, не должны быть забыты труды, которые другая часть арміи переносила въ трудную зимовку на Дунаѣ и тѣ подвиги, которые были ею оказаны нерѣдко среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Пора было бы появиться серьезному труду о дунайской кампаніи 1853—1854 г., основанному на критической разработкѣ офіціальныхъ и частныхъ источниковъ, а не на однихъ только реляціяхъ, удовлетворяющихъ первое любопытство современниковъ, но недостаточныхъ въ качествѣ историческихъ матеріаловъ. Имѣя въ виду, что, быть можетъ, и явится у насъ наконецъ историкъ этой кампаніи, мы сочли долгомъ указать на главнѣйшіе, но далеко не на всѣ, пропуски и недомолвки въ трудѣ г. Ковалевскаго, чтобы съ одной стороны, по мѣрѣ возможности, быть полезнымъ для будущихъ описателей военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, съ другой же, чтобы показать, что разсматриваемое

нами сочиненіе никакъ не можетъ считаться послѣднимъ словомъ нашей военной литературы объ этихъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе это, по степени обработки историческаго матеріала, не можетъ быть поставлено выше „Военно-историческихъ очерковъ крымской экспедиціи“, появившихся въ 1856 году, имѣвшихъ тогда полный успѣхъ, а теперь забытыхъ передъ новѣйшими сочиненіями по тому же предмету. Та же участь безспорно предстоитъ и разсматриваемой книгѣ. Остается желать, чтобы литература наша скорѣе обогатилась сочиненіемъ, въ которомъ дѣйствія нашихъ войскъ на Дунаѣ были бы изложены съ полною подробностію и безпристрастіемъ, допускающими критическую оцѣнку какъ самыхъ дѣйствій, такъ и участвовавшихъ въ нихъ лицъ.

Сочиненіе г. Ковалевскаго издано, по внѣшней формѣ, весьма хорошо, даже изящно; къ книгѣ присоединено пятнадцать приложений, заключающихъ въ себѣ нѣкоторые дипломатическіе документы, правила о довольствіи войскъ въ княжествахъ, свѣдѣнія о составѣ и расположеніи войскъ, и, наконецъ, приложены четыре плана и карта Молдавіи, Валахіи и мѣстностей, прилежащихъ къ нижнему Дунаю. Карта весьма чистая, незапестренная надписями, но за то и крайне неполная для того, чтобы по ней слѣдить за передвиженіемъ и расположеніемъ войскъ. Планы приложены слѣдующіе: планъ мѣстности у Ольтеницы (безъ масштаба), селенія Четати, планъ Силистріи и ея окрестностей и осадныя работы у Силистріи. О двухъ послѣднихъ планахъ мы сказали выше; первые же два плана исполнены очень опрятно, но жаль, что на всѣхъ вообще планахъ не нанесены войска, а изображена одна мѣстность. Нельзя не пожалѣть также, что къ сочиненію не приложены планы переправы у Браилова и у мыса Четала.

ш. г.